

вало комический эффект, который помогал читателю разграничить две эпохи.

Однако разграничение проводится Карамзиным далеко не последовательно: в поведении Алексея и Натальи (не говоря уже об их языке) есть черты, свойственные скорее «чувствительным» влюбленным XVIII в., чем героям описываемого времени.

С другой стороны, Карамзин не всегда последователен и в изображении национальных черт прошлого. Иногда старина выступает у писателя как некое нерасчлененное понятие: не русская старина, а старина вообще. Поэтому в повесть «Наталья, боярская дочь» оказывается возможным включить стилизованную фразу, написанную «языком оссианским». В повести «Лиодор» при описании старых времен упоминаются «те веселые минуты, когда Оссианская чаша радости вокруг ходила»,²⁵ хотя речь идет о прошлом России.

Упрек, адресованный Карамзиным Хераскову, в какой-то степени мог быть обращен и к самому автору «Натальи, боярской дочери». Оказывалось очень нелегко уловить «дух времени» и передать его так, чтобы привлечь современного читателя. Перед Карамзиным-писателем и здесь возникает вопрос о соотношении исторической достоверности и художественного вымысла, истории и мифа.

В рецензии на постановку «Сида» в русском театре Карамзин писал: «... есть такие приключения, которые хороши только для историка, а не для драматического поэта. Историк должен описывать все, как было, не думая о впечатлении, которое сделает в читателе описываемое им приключение; но драматический поэт должен иметь у себя в предмете известное действие, то есть он должен производить в зрителе или радость, или горесть» (II, 105—106). Умение писателя отобрать факты, почерпнутые из истории, и их художественно интерпретировать, «выбрать, одушевить, раскрасить», говоря словами самого Карамзина, проявилось и в «Наталье», и в «Письмах русского путешественника».

«Письма» занимают особое место в творчестве Карамзина-беллетриста. В этом произведении, создававшемся на протяжении 1790-х годов, нашли отражение важнейшие вопросы, волновавшие Карамзина и как художника, и как публициста. Проблемы истории, естественно, занимают здесь видное место. Как показано в новейших исследованиях,²⁶ «Письма», написанные по живым следам революционных событий во Франции, проникнуты новым представлением о современности как истории в настоящем, как о результате предшествовавшей жизни нации. Каковы же суждения автора «Писем» об эпохах, ушедших в прошлое?

²⁵ Московский журнал, 1792, ч. V, кн. 3, с. 315.

²⁶ Макогоненко Г. П. Карамзин и Просвещение; Иванов М. В. Проблемы истории и французская революция в творчестве Карамзина 1790-х годов. — Русская литература, 1974, № 2, с. 134—142.